

12 этаж без лифта / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

12 этаж без лифта / рассказ 12 ЭТАЖ БЕЗ ЛИФТА

– Пошли, Герда! – произнес Владимир, отворяя дверь квартиры. Тут же рыжий ирландский сеттер вылетел на лестничную площадку и, бросив на хозяина нетерпеливый взгляд янтарных глаз, понесся вниз по лестнице, смешно подкидывая задние лапы.

– Герда, не торопись, меня подожди!

Но где там!.. Собака пробежала пару этажей и призывно залаяла, подгоняя медлительного хозяина. «Вот ведь непоседа!» – беззлобно ворчал про себя Владимир, пытаясь догнать своего питомца. Ноги вроде и несли его быстро по ступеням, но в груди начинало что-то давить, словно на него надели одежду размера на три меньше положенного. Приходилось замедлять шаг.

Все-таки этот дурацкий развод с дележкой имущества, благополучно нажитого за четверть века совместной жизни, забрал у него много сил. Слишком много. После размена квартиры Владимир был не против переехать хоть на чердак, хоть в подвал, лишь бы подальше от ссор и скандалов, в которых здорово поднаторела его бывшая жена. И квартира на 12-м этаже блочного дома его вполне устраивала, если бы не сломанный лифт, который не работал уже третий месяц. Владимир даже ходил к председателю правления ТСЖ, чтобы выяснить, когда же заменят негодный к эксплуатации старый лифт. Он даже поставил подпись на коллективном письме жителей дома в прокуратуру. Но «инстанции» продолжали кормить несчастных жильцов «завтраками», а бюрократическая машина не спеша скрипела своими проржавевшими шестеренками. А лифт не работал.

«Ладно, не сахарный, не растаю!» – убеждал себя мысленно Владимир, бросая взгляд вниз, в бесконечность лестничного пролета, и вспоминал, что еще пару лет назад выжимал в спортзале тяжеленную штангу и не жаловался.

Рыжий пес юлой крутился и вертелся у двери подъезда и даже тихонько подвывал, заставляя хозяина поторапливаться.

Владимир, задыхаясь от быстрого шага, распахнул тяжелую железную створку, и собака пулей вылетела на улицу, задев на бегу незнакомую тетку с объемными сумками в руках.

От неожиданного столкновения полиэтиленовый пакет выпал из руки женщины, и она возмущенно заголосила на всю улицу:

– Да что б тебя! Разведут собак, собачники проклятые, а смотреть за ними не могут. – Поставив на асфальт свою ношу и, уперев руки в бока, тетка неопределенного возраста уставилась осуждающим взглядом на Владимира. – Собак полагается на поводке выгуливать и в наморднике! Или вам это не известно?

– Извините, – пробормотал тот, поднял упавший пакет, сунул его в руки женщины и побыстрее пошел своей дорогой. Он по опыту знал, что стоит только «зацепиться языком» с такой вот спорщицей – не остановишься.

Он не любил таких высоких, крупных, громогласных и скандальных. А тетка была не на много его ниже, не толстая, но с большой, воинственно выдвинутой вперед грудью и гневно сверкающими глазами на круглой простоватой физиономии без единого следа косметики. Ей могло быть и тридцать пять и все пятьдесят. Такой только повод дай поскандалить!

Герда, уткнув нос в землю, уже обследовала окрестные кусты, радостно повилывая рыжей метелкой хвоста. Владимир свистнул, подзывая собаку, и неспеша пошел по дороге к парку, спиной чувствуя сверлящий взгляд неприятной тетки.

Ранняя осень еще не успела надеть свою царскую мантию из золотой парчи. Но кто-то уже разбрызгал по кронам деревьев и кустов яркие капли охры и киновари. Трава на газонах потускнела и слегка пожухла. Зато на клумбах красными и белыми огоньками продолжали гореть пышные головки бегоний.

Владимир, выкинув из головы мысли о неприятной встрече возле подъезда, благодушно любовался тихим зеленым парком и, помахивая собачьим поводком, неспеша прогуливался по дорожкам, краем глаза следя за своей любимицей. Герда приветливо поздоровалась со знакомым ротвейлером, обнюхав его широкую морду, сердито облаяла незнакомоего ризеншнауцера и заинтересовалась чем-то в кустах сирени. Прохладный вечер медленно угасал, размазывая над плоскими коробками домов

розовую и оранжевую акварель.

Неторопливость и беззаботность прогулки невольно вывели мысли Владимира в привычное русло бессмысленного, уже навязшего в зубах обвинительно-оправдательного монолога о разводе. О том, что они не пара друг другу, Владимир и Наталья поняли много лет назад. Но огоньки разгоравшихся ссор быстро тушили мысли о детях, которых надо было вырастить. Дети выросли и разлетелись из родного гнезда. Вот тогда-то весь ужас сосуществования с абсолютно чужим тебе по духу человеком встал перед ними во весь свой громадный рост. Владимир, скорее всего, еще долго бы терпел, замкнувшись в себе, с головой погрузившись в работу. А вот Наташа, достигнув опасного возраста «ягодка опять», сгрузив на плечи Владимира весь груз ответственности за неудавшуюся жизнь, неожиданно нашла себе мужчину своей мечты. Что оставалось делать? Засунув подальше чувство оскорбленной гордости, согласиться на развод.

Герда подбежала и ткнулась узкой мордой в его колени.

– Ну что, нагулялась? – спросил Владимир и ласково потрепал собаку по шелковистой шерсти. – Пошли домой, малышка.

И собака послушно засеменила рядом, счастливая и немного усталая. Владимир глубоко вздохнул и окинул взглядом погружающийся в сумерки парк. В душе появилось приятное чувство свободы. Он совершенно свободен! Никто не ждет его дома, чтобы с порога обвинить во всех смертных грехах. Никто не будет тыкать пальцем в его недостатки, которых на поверку оказывается так много, что не понятно, как они могут вместиться в одного человека. Никто не будет кричать визгливым голосом из-за обычных пустяков, раздувая проблему до вселенского масштаба. Он был один и совершенно свободен!

Но, как часто бывало в последнее время, ощущение свободы, недолго по балансировав на тонкой грани удовлетворенности, качнулось и съехало в сторону неприятного чувства собственной ненужности. Он вспомнил, как взрослый сын, уже успевший обзавестись своей семьей, безразлично пожал плечами, узнав о разводе родителей и отвернулся. Дочь – студентка покрутила пальцем у виска и выпалила: «С ума сошли, родители, разводиться на старости лет?» И потребовала, чтобы ей сняли

отдельную квартиру. Владимир слегка обиделся, ведь ему еще не было и пятидесяти. Разве это старость? Но теперь он чувствовал себя ненужным собственным детям, ну разве только в качестве гаранта их финансовой стабильности. Он старался как можно меньше распространяться о своих семейных проблемах друзьям. В результате и от друзей отдалился, замкнулся в плотном коконе собственного одиночества.

Они подошли с собакой к дверям подъезда и остановились, Владими

р вытащил из кармана ключи и приложил плоскую «таблетку» к кнопке домофона. Мурлыкнув, как добродушный кот, дверь открылась. Герда радостно поскакала вверх по лестнице, предвкушая сытный ужин. А Владимир задержался на первом этаже, бросив тревожный взгляд в верх, в гулкую шахту лестничного пролета. Впереди были 12 этажей...

Он медленно поднимался, делая передышки на каждом втором этаже и прислушиваясь к давящей боли в груди. И откуда она взялась, эта боль? И давление вроде нормальное. Он узнал, что у сотрудниц в бухгалтерии есть аппарат, и вежливо попросил разрешения измерить давление, вызвав тем самым нездоровый интерес («А что это с вами, Владимир Николаевич? Неужели заболели?») И любопытные взгляды со всех сторон...

Остановившись на шестом этаже, он отдыхал, облокотившись на перила, и тяжело дыша. Боль постепенно отпускала. Ей явно не нравилось отсутствие лифта. Вдруг снизу зазвучали торопливые шаги. Владимир обернулся и встретился с взглядом давешней тетки с пакетами.

– Что это ты, сосед, ползешь по лестнице как гусеница? Вроде молодой еще мужик. – Язвительно поинтересовалась женщина. На сей раз в руках у нее ничего не было, да и невзрачной серой курточки, в которой он видел ее на улице, тоже не было. Должно быть ходила сплетничать к кому-нибудь из соседей.

– Иду как хочу, – огрызнулся Владимир. – И с каких это пор мы с вами на ты?

– Да ни с каких! – Фыркнула тетка, обходя его и поднимаясь выше, и добавила: – Хам!

– Сама хамка, – буркнул себе под нос Владимир и тоже стал

двигаться дальше.

Неприятная соседка быстро шагала по ступенькам, плавно покачивая округлыми бедрами в старых вытертых джинсах под бесформенным трикотажным балахоном. Владимир даже отвернулся, чертыхнувшись про себя. Вот ведь не повезло с соседкой! Спустя несколько минут хлопнула дверь где-то на самом верху. «Надеюсь, не на моем этаже!» подумал он, продолжая свой тяжкий путь.

Накормив собаку, лег на диван в надежде, что боль успокоится и отпустит. Но в груди холодные железные тиски продолжали сдавливать сердце. «Надо было по дороге домой зайти в аптеку и взять валидол, – запоздало подумал Владимир. – Ничего, отлежусь!» Герда запрыгнула на диван и вытянулась вдоль хозяйской ноги, подсунув длинную изящную морду ему под руку. Так она всегда выпрашивала ласку.

Владимир погладил любимицу по голове, потрепал мягкое шелковистое ухо и пожаловался:

– Что-то нехорошо мне сегодня, малышка, сердце болит. – Собака подняла голову и насторожилась, будто поняла смысл слов. От взгляда ее янтарных глаз, такого любящего и преданного, на душе потеплело. – Одна ты у меня, девочка, больше никого нет. Произнесенные вслух слова неожиданно вызвали такое острое и всепоглащающее ощущение одиночества, безграничного, вселенских масштабов сиротства, что на глаза навернулись слезы. Владимир с силой втянул в себя воздух и тихонько всхлипнул. И вдруг в голове с пугающей ясностью возникла мысль: что же будет с собакой в запертой квартире если он умрет? Эта мысль хлестнула сознание с такой силой, что Владимир тут же потянулся за телефоном и набрал номер «Скорой помощи», объясняя собаке, будто оправдываясь:

– Сейчас приедут врачи, сделают мне укольчик и все пройдет, Герда, вот увидишь. И нечего волноваться.

Но к боли, угнездившейся в его груди, присоединился отчетливый холодок страха.

Татьяна уже собиралась ложиться спать, когда за дверью послышался непонятный шум. Голоса доносились с лестничной площадки. Она прильнула глазом к дверному глазку и

присвистнула от удивления: на лестнице стояли двое в синей форме медиков «скорой помощи» и громко спорили с соседом-собачником, застывшем в дверях. Недолго думая, Татьяна схватила с полочки ключи и, как была в домашнем халате, выскочила на лестницу.

– Что за шум, а драки нет?! – спросила она, втискиваясь между медиками.

– Да вот пытаемся уговорить вашего соседа поехать с нами в больницу, – объяснил молодой мужчина, вероятно, врач. – Кардиограмма плохая. Не исключен инфаркт. А он ни в какую!

– Тютю, – протянула Татьяна, качая головой и подмигнув женщине-фельдшеру, – во мужик нынче пошел: телом хлипкий и на голову дурной! – и уже обращаясь к соседу: – Ты что ж, сосед, совсем сдурел? От инфаркта помереть захотел?

– А вы не вмешивайтесь не в свое дело! – недружелюбно ответил сосед – высокий, худой, с нездоровой бледностью на лице.

– Собаку, говорит, не с кем оставить! – пожаловался доктор.

– Вот проблема то! – всплеснула руками Татьяна. – Да присмотрю я за твоей псиной. Ты давай, собирай вещи. Что там в больнице нужно то? Зубную щетку, пасту и прочую ерунду.

Решительно отодвинув плечом обалдевшего соседа, Татьяна прошла в его квартиру и сразу направилась в ванную комнату. Пока сосед растерянно хлопал глазами, она собрала зубную щетку, тюбик пасты, станок для бритья, полотенце.

– Где у тебя спортивный костюм лежит? – складывая принадлежности для умывания в полиэтиленовый пакет, спросила у соседа.

– Зачем вам мой спортивный костюм?.. – проямлил тот.

– Чудак человек, – хмыкнула Татьяна, с хозяйским видом проходя в комнату и осматривая стоящие повсюду коробки. – Недавно переехал что ли?

– Недавно.

– Все с тобой ясно. Доставай спортивный костюм, бери тапочки и вперед, в больницу! А за псиной твоей я присмотрю, не боись. Я с животными обращаться умею.

– Но, как же... – совсем растерялся сосед, – мы ведь с вами даже не знакомы. Неудобно...

– Неудобно спать на потолке, – заявила Татьяна, заметив на спинке стула спортивные брюки и футболку, хватая их и комком запихивая в пакет, – потому что одеяло все время падает.

– Зачем вам лишние хлопоты?

– Хлопоты? – Татьяна резко повернулась к собеседнику и уставилась на него суровым взглядом. – Поверь, приятель, пару раз в день покормить и выгулять собаку гораздо проще, чем организовывать твои похороны. Так что давай, собирайся!

Она сунула в руки соседу собранный пакет и кивнула медикам:

– Можете забирать!

Под напором ужасной тетки, оказавшейся соседкой по лестничной площадке и налетевшей на него как ураган, Владимир растерялся и как-то обмяк. Но проклятая боль в груди крепко – накрепко уцепилась за его сердце, так что даже дышать было трудно. Где уж тут спорить? Он взял в руки собранный ею пакет с вещами и поплелся в коридор, где его ожидали врачи со «скорой». Когда наклонился, чтобы завязать шнурки на ботинках, сморщился от боли – так сдавило, что дыхание перехватило. Соседка тут же присела на корточки и, ни слова не говоря, завязала шнурки, точно он был маленьким ребенком, которого мама собирает в садик. С тем же ощущением беспомощного и беззащитного детства он надел куртку и повернулся к соседке. Та бросила на него оценивающий взгляд и с доброй улыбкой похлопала по плечам.

– Выше нос, сосед, держись бодрячком! Главное, не спорь с врачами и дай им тебя, дурака, вылечить, не сопротивляйся. И за собаку не беспокойся. Как звать то ее?

– Герда.

Герда потерянно крутилась у ног хозяина, чувствуя своим собачьим сердцем, что с ним происходит что-то нехорошее. Вокруг были чужие люди, наполнившие маленькую однокомнатную квартирку незнакомыми пугающими запахами. От тревоги и беспокойства собака поскуливала и, нервно переставляя лапами, бросала на хозяина испуганные взгляды. Владимир наклонился и ласково потрепал рыжие собачьи уши.

– Все будет хорошо, девочка. Я скоро вернусь, обязательно вернусь.

– Ну, пойдете вниз, – произнес доктор, забирая из рук

больного пакет с вещами, – нам еще спускаться с 12 этажа. Что у вас с лифтом случилось? Почему не работает?

И обсуждая с фельдшером неработающий лифт и свою проклятушую работу, когда приходится подниматься на такую верхотуру пешком, они стали медленно и осторожно спускаться по лестнице. Герда жалобно скулила, глядя в след хозяину. А соседка, поглаживая ее по холке, шептала успокаивающе и ласково, придерживая собаку за ошейник:

– Да вернется твой хозяин, не волнуйся, вернется. Пусть попробует только помереть. Я ему устрою!

Владимир стоял у окна палаты и с тоской смотрел на снующую за стеклом жизнь. В душе его невольно всплыли воспоминания из раннего детства, когда мама отводила его, маленького, в детский сад, помогала переодеться и уходила. А он вот так же долго стоял у окна и смотрел ей в след, и беспросветное одиночество накрывало его своим душным колпаком.

Боль в груди быстро прошла, едва его начали лечить. Но обследование затягивалось, а впереди замаячила необходимость плановой операции, в очередь на которую его тут же записали. Он чувствовал себя загнанным в угол зверем, заключенным, обитателем застенка, из которого не вырваться. И услужливое воображение уже рисовало на оконном стекле перекрестья тюремной решетки.

Вдруг дверь палаты с грохотом распахнулась и в его спину прозвучало веселое: «Привет, сосед!» Владимир обернулся и остолбенел от неожиданности. Его ужасная, громогласная соседка с объемными авоськами в руках стояла на пороге и улыбалась.

– Здравсти... – выдавил он из себя.

– Ну, где твоя койка? – спросила женщина, оглядываясь по сторонам и цепким взглядом оценивая больничную неуютность палаты. – Эта?

И, не дожидаясь ответа, прошла к его кровати.

– Я тебя еле нашла, – рассказывала она, устроив авоськи на стул и извлекая из них друг за другом какие-то баночки, кулечки, сверточки и контейнеры. – Я ж, растяпа такая, не удосужилась спросить твое имя и в какую больницу тебя повезут. Пришлось тащиться в правление и пытаться председателя, а потом

обзванивать справочные всех больниц города! Но ничего, нашла все-таки, Богданов Владимир Николаевич. А меня звать Татьяной. И с хозяйским видом уселась на кровать, отчего та протяжно вздохнула и основательно прогнулась под ее тяжестью.

– Как там Герда? – спросил Владимир, мысленно поевшись от этого урагана, неожиданно ворвавшегося в болотную тишь палаты.

– Отлично. А что с ней будет? Вот только скучает и ждет хозяина. Так что ты, друг мой, давай поправляйся, не затягивай.

Он вовсе не собирался становиться другом этой странной, назойливой тетке, но все-таки ответил:

– Стараюсь. А что это вы принесли? – и подозрительно покосился на заваленную тумбочку.

– Как что? – брови соседки удивленно приподнялись, будто он спросил глупость. – Домашнюю еду. Разве ж можно поправиться на больничной жратве? Да ихние диеты кого угодно в могилу сведут, а уж молодого мужика и подавно. Я вот тут котлет накрутила, бульон куриный сварила, фруктов принесла.

Владимир в некоторой степени разделял мнение соседки о больничной еде, потому как пища с полным отсутствием соли казалась пресной и невкусной. Но крутить котлеты совершенно незнакомому человеку... Это было странно и непривычно. Даже бывшая жена в последние годы их неудавшегося брака не готовила ему обеды, питались они отдельно, как соседи в коммунальной квартире.

Татьяна, достав термос и налив в чашку куриного бульона, всучила ему посудину и заставила пить сразу, пока не остыл. Пока он нехотя, преодолевая какое-то внутреннее сопротивление, глотал маленькими глоточками ароматный бульон, соседка безостановочно трещала обо всем на свете, но больше рассказывала о собаке, чем несомненно грела душу Владимира.

– Милочка, будь добра, позови медсестру, – раздалось с койки у окна, где лежал старый дед, – а то капельница вот-вот закончится.

Татьяна встрепенулась, отвлеклась от Владимира и, согласно кивнув, бодро побежала за медсестрой. После возвращения она переключила свое внимание на всю палату: подала старику стакан

с водой, вымыла в раковине грязную ложку толстого одышливого пациента, что лежал напротив деда, прибралась на общем столе, выбросила кучку яблочных огрызков, оставленных на тумбочке юным оболтусом, что лежал, уткнувшись в свой планшет, напротив Владимира. «Сейчас найдет санитарку, – испуганно подумал тот, – отберет у нее ведро и начнет мыть полы». Но обошлось. Ураган по имени Татьяна навел порядок в палате, раздал каждому ее обитателю ободряющие советы и умчался, сообщив, что у нее еще куча дел, но она обязательно вернется через пару дней.

Когда дверь за энергичной посетительницей закрылась, Владимир с облегчением выдохнул. Не любил он таких женщин. Ему нравились маленькие хрупкие блондинки, которых хотелось защищать и оберегать, рядом с которыми автоматически любой мужчина чувствовал себя большим и сильным. Таких как соседка защищать и оберегать не требовалось, наоборот, хотелось самому укрыться от ее бьющей через край энергии.

– Хорошая у тебя жена, сынок! – донеслось с койки у окна.

Владимир изумленно уставился на старика. Тот был глуховат и явно не расслышал, о чем они разговаривали с Татьяной.

– Она мне не жена, – ответил Владимир, но прозвучало это как оправдание.

– Да ладно, – махнул сухонькой ручкой старик и улыбнулся, обнажив зияющую прореху в зубах, – нынче модно жить вместе без печати в паспорте. Хотя я этого не одобряю! Грех это. Женись на ней, Володя, обязательно женись. Такая женщина достойная.

Владимир покачал головой и вышел из палаты, решив не спорить со стариком. Что толку? Но внутренне перекрестился: «Чур меня от такой перспективы!»

Возвращение домой из больницы наполнило душу легкостью и ощущением долгожданной свободы. Однако, чем ближе подходил Владимир к своему дому, тем сильнее звучал в глубине тревожный звоночек: смогу ли подняться на 12 этаж? Не вернется ли боль?

Громко хлопнула за его спиной дверь подъезда. Брошенный в верх, в уходящий в бесконечность скрученной спиралью лестничный пролет, взгляд вызвал взволнованный вздох. Владимир постоял немного, собираясь с мужеством, и медленно пошел по лестнице, чутко прислушиваясь, не появится ли вновь боль в

груди. Но вот он прошел два этажа, три... а ощущение железных тисков не появилось. Он немного передохнул на площадке четвертого этажа и зашагал вверх бодрее. Чем выше он поднимался, тем шире расправляли крылья его мысли. На шестом этаже он решил, что сразу же разберет оставшиеся так и не разобранными после переезда коробки; на восьмом пообещал себе бросить пить крепкий кофе и перейти на чай; к десятому этажу он был уверен, что теперь будет каждое утро начинать с зарядки; а к одиннадцатому решил, что прогулки быстрым шагом вполне можно заменить бегом трусцой. Остановившись напротив двери своей квартиры, Владимир с облегчением вздохнул и понял, что жизнь продолжается.

Зайдя в свою квартиру и оставив вещи в прихожей, он сразу метнулся обратно на лестничную площадку и бросился к двери на против. Не успев поднести руку к звонку, услышал за дверью радостный собачий лай.

– Герда, девочка моя, как же я по тебе соскучился! – шептал он, терзая кнопку звонка.

Звонок заливался птичьими трелями, собака надрывно лаяла, перемежая лай поскуливаниями и подвываниями, но дверь никто не открывал. Черт бы побрал эту соседку! Ну, где ее носит?!

Владимир, отпустив ни в чем не повинный звонок, прижался лбом к прохладной поверхности двери. Отчаянно хотелось уткнуться лицом в шелковистую рыжую шерсть единственного на свете самого близкого, самого верного и любящего существа, которое никогда не предаст и не отвернется.

– Тихо, Герда, не шуми, – бормотал он, пытаясь успокоить беснующуюся за дверью собаку, – придется нам с тобой немного подождать. Вот вернется Татьяна с работы и выпустит тебя. Не шуми, маленькая, успокойся. Я же рядом.

Он с великим сожалением погладил ладонью обитую убогим дерматином дверь, точно гладил мягкие собачьи уши, обреченно вздохнул и пошел к себе.

Соседка вернулась только часов в семь вечера. Едва повернулся ключ в замке, и тяжелая створка приоткрылась, как из коридора вылетела рыжая молния и бросилась мимо Татьяны к квартире напротив, оглашая весь дом радостным лаем. Сеттер вскочил на

задние лапы, а передними стал скрести хозяйскую дверь, скуля и лая.

– Что, хозяйина учуяла? – улыбнулась Татьяна.

Дверь распахнулась, и Владимир, опустившись на колени, наконец заключил в свои объятия любимицу, непрестанно бормоча:

– Ты моя хорошая, ты моя дорогая...

Герда подпрыгивала, не сдерживая свой восторг, лизала длинным мягким языком лицо главного человека в своей жизни, повизгивала и виляла хвостом так, что, казалось, он непременно оторвется.

– Никак тебя выписали, сосед? – с улыбкой глядя на умилительную сцену, спросила Татьяна.

– Нет, сам сбежал! – не очень вежливо буркнул Владимир, все еще лелея в душе глупую обиду на соседку за ее долгое отсутствие.

Но все-таки оторвался от своей подопечной и поднялся на ноги.

– Спасибо за помощь, – произнес он механическим голосом и достал из кармана кошелек. – Сколько я вам должен?

Лицо женщины вспыхнуло гневным румянцем.

– Ты совсем сбрендил, сосед? – рыкнула она, скрываясь за дверью своей квартиры. – Тебе не только сердце, тебе голову прежде всего лечить надо было!

За спиной Татьяны громко хлопнула дверь. Владимир, почувствовав слабый укол совести, только пожал плечами. Да и бог с ней, с этой соседкой! Он бросил кошелек в прихожей, схватил поводок и скомандовал собаке: «Гулять, Герда!» Дважды повторять не пришлось. Спустя минуту по лестнице прозвучали удаляющиеся шаги.

За время отсутствия Владимира парк успел радикально измениться: сезон моды на зеленое прошел окончательно и бесповоротно! Деревья переоделись в золотое и багряное, и даже трава на газонах предпочитала оттенки желтого и оливкового. Шуршание опавших листьев под ногами и ранние сумерки не смогли наполнить душу Владимира обычной осенней грустью. Ведь рядом, не удаляясь больше, чем на десяток шагов, словно опасаясь потерять хозяина, взрывала длинной изящной мордой опавшее золото его Герда. Собака привычно ловила заинтересовавшие ее

запахи, но часто останавливалась и оборачивалась на хозяина: не отстал ли, не потерялся?

Нагулявшись вволю, надышавшись пряными ароматами увядающих листьев, направились обратно домой. По дороге Владимир вспомнил о пустом холодильнике и вознамерился зайти в попутный магазинчик, но тщетно ощупывал карманы, пока не вспомнил, что оставил кошелек дома, не сумев всучить деньги соседке. Бог с ними, с продуктами! В морозилке всегда хранился запас замороженных пельменей на всякий случай, а на полке в кухонном шкафчике лежала одинокая упаковка с макаронами. А вот запас собачьего корма был всегда. Это святое! До завтра как-нибудь доживем!

Но поднимаясь по лестнице на свой 12 этаж, он чувствовал, как заныла, засвербила в глубине души совесть. Зачем он нахамил этой Татьяне? Ведь соседка действительно очень помогла ему и Герде, выручила в сложной ситуации, и заслуживала искренней благодарности. Ну и что, что не в меру болтлива и громогласна? Ну и что, что от этого урагана бушующей энергии хочется все время спрятаться? Человек сделал тебе добро. Просто ответь тем же.

Размышляя над тем, как же ему отблагодарить Татьяну, Владимир вернулся домой, накормил собаку и поставил на плиту кастрюлю с водой, намереваясь сварить себе пельмени. От вида поднимающихся со дна кастрюли пузырьков в закипающей воде ожило в душе ощущение сиротства. Он окинул взглядом еще не обжитую после переезда кухню, и таким отчаянным одиночеством повеяло от этих замороженных пельменей, что Владимир тяжело вздохнул. Неожиданно раздался звонок в дверь. Вытирая руки кухонным полотенцем, он отправился открывать.

На пороге стояла Татьяна с двумя большими полиэтиленовыми пакетами в руках.

– Привет, – поздоровалась она и, не ожидая приглашения, протиснулась мимо хозяина квартиры в узком коридоре, принеся с собой запах свежей выпечки.

Владимир раскрыл рот, но так и не нашелся с ответом бесцеремонной мадам, пошел следом. В душе его разрасталось любопытство. Что еще задумала эта неугомонная?

Татьяна с хозяйским видом выкладывала на кухонный стол кастрюльки и банки.

– Ну, что, сосед, – и весело подмигнула ему, – отметим твое выздоровление? У тебя ж наверняка холодильник пустой. А я вчера обед приготовила, борщ сварила, мясо с картошкой потушила, пирожков напекла. Любишь борщ домашний? У меня борщец – просто загляденье, пальчики оближешь!

Врать, что он не любит борщ, было бессмысленно. Тем более, что есть действительно очень хотелось. От вида всех этих домашних деликатесов мгновенно разыгрался аппетит. Владимир сглотнул голодную слюну и, немного поколебавшись, покорно уселся за стол. Гостья продолжала хозяйничать на его кухне. А он с изумлением наблюдал, как органично вписывается вся эта канитель в интерьер. Будто кухня давно ждала такого вот неожиданного застолья и радовалась этому. Даже электрическая лампочка под потолком стала светить ярче.

– Рюмки у тебя есть или бокалы? Нет? Я так и знала! Поэтому прихватила с собой пару рюмашек, – и жестом фокусника достала из своего волшебного мешка бутылочку коньяка и две граненые стопочки.

– Я вообще то только из больницы, – попытался остановить безумие Владимир. Но где там!

– Даже не возражай! – заявила Татьяна. – Я, между прочим, собственными ушами слышала знаменитого профессора (фамилии, правда, не помню), что пятьдесят граммов коньяка в день – самое лучшее лекарство для сердца!

«Господи, неужели она пьющая? Только этого не хватало!» – пронеслась в голове Владимира тревожная мысль.

– Мы по чуть-чуть, да под хорошую закусь.

Когда напротив друг друга дымились две тарелки с ароматным рубиновым борщом, и в центре каждой плавал белоснежный сметанный остров, Татьяна уселась за стол и подняла наполненную до половины рюмку.

– Ну, Володя, за твое здоровье, что бы больше не пришлось обращаться за помощью докторов!

Звонко чокнулись и синхронно осушили золотисто-коричневую жидкость. В груди, там, где еще недавно хозяйничали ледяные

железные тиски, разливалось уютное тепло. То ли от выпитого, то ли от вкуса потрясающего варева, в душе Владимира что-то таяло и растекалось. Он собрался только спросить что-нибудь для поддержания беседы, но соседка опередила его.

– Ты кем работаешь, соседка?

– Главным инженером в одной конторе.

– Ясно.

– А вы кем работаете, Татьяна?

– Я соцработник. Отношу одиноким старикам продукты, покупаю лекарства в аптеке, помогаю по хозяйству.

-Значит, помогать ближнему – привычное для вас дело!

– Ага, – соглашаясь, кивнула собеседница. – А чего это в трудную минуту твои близкие к тебе на помощь не пришли, бросили одного в больнице?

Ложка борща застряла в середине пищевода... Владимир уставился в тарелку невидящим взглядом, вяло помешивая ложкой. Вот уж чего он не любил, так раскрывать душу перед малознакомыми людьми. Борщ был очень вкусный. Но это же не повод нарушать психологические границы и бесцеремонно врываться на чужую территорию!

– Дети заняты своими важными делами, учатся, работают, – нехотя, через силу ответил он, – а с женой я недавно развелся. Не будешь же просить помощи у человека, который тебя искренне ненавидит. А друзьям как-то надоедать не хотелось. У всех своих проблем хватает. Да и я же не при смерти был.

Вроде получилось оправдаться, но Владимир вдруг почувствовал себя жутко одиноким и беззащитным в этом холодном, враждебном мире. Ощущение сиротства засосало под ложечкой. Ну зачем эта соседка вообще появилась в его жизни? Ведь он так удачно в последнее время прятался от неприятных переживаний.

Он просчитался, ожидая потока жалостливых охов-вздохов. Лицо Татьяны стало задумчивым и печальным.

– Вот скажи мне, Володя, что с людьми твориться? У большинства моих подопечных, которым я помогаю, есть дети, внуки, правнуки. Но они одни, совсем одни. И тоже оправдывают своих близких, отговариваясь большой занятостью и нехваткой времени. А разве сложно набрать телефонный номер раз в неделю и

поинтересоваться, как там живет этот старик, все ли у него хорошо, есть ли продукты, не нужны ли лекарства? Сложно приехать пару раз в месяц и навестить? Люди живут в одном городе, а не видятся годами! Да что я про родственников, – Татьяна отложила в сторону ложку и поднялась из-за стола, чтобы убрать в раковину пустую тарелку, – люди живут в одном доме, а не знают, кто в соседней квартире обитает! Каждый сидит в своей персональной ячейке, как пчелиная личинка, и пялится в комп. Интернет, эта всемирная паутина, опутала своими нитями весь земной шарик. Теперь связаться с другим континентом проще, чем зайти к школьному товарищу на чай, если он живет на соседней улице. Но это только усиливает отчуждение людей. Каждый сам по себе, замкнут на своих проблемах, не видит, не слышит, не чувствует другого человека, как будто других нет. Станет кому-нибудь на улице плохо, упадет, так ведь большинство мимо пройдут, не протянут руку помощи. Что с людьми творится?

Повисла долгая молчаливая пауза. Нечего было ответить Владимиру на вопрос собеседницы. Все правда, все так. А как объяснить – не известно. Он крутил в пальцах ложку, не зная, куда деть руки и смотрел в стол, не решаясь поднять глаза на собеседницу.

– Ладно, не будем о грустном, – встрепенулась соседка и вытащила из своих запасов банку с консервированными помидорами и огурцами, – праздник продолжается! Где у тебя открывалка для консервов?

Пока Владимир рылся в ящиках в поисках консервного ножа, Татьяна продолжала болтать:

– Это я сама закатывала. Помидорчики, огурчики – просто прелесть! Попробуешь – всю банку за один присест умнешь. Мне рецепт дала одна премилая старушенция из подопечных. Маразм у нее полный, то утюг выключить забудет, то кран с водой, но кулинарные рецепты со всеми граммами и миллилитрами наизусть помнит. Там весь секрет в травках, которые в банку кладутся. Ты попробуй, попробуй! С картошечкой то, да с мясом больно хорошо!

Немного очухавшись под эту безобидную трескотню и справившись

с чувством незащищенности, Владимир перевел разговор на свою гостью.

– А где ваша семья, Татьяна? Вы ведь живете одна в такой же, как у меня, однокомнатной квартире?

«Вот так то, – позлорадствовал он, – даже у ураганов есть слабые места!» Татьяна изменилась в лице, сбросив маску самоуверенности и бесцеремонности. Растерянность, мелькнувшая в ее глазах, как-то сразу сделала ее моложе. Сколько же ей лет? Пожалуй, слегка за сорок, не больше сорока пяти.

– Нет у меня семьи, давно нет. Я с мужем то быстро развелась, как только он сильно пить стал, да руку на меня попытался поднять. Я понятливая. Мне дважды говорить не надо. После первого же раза собрала вещи, взяла сына, тогда еще маленького, и ушла от мужа. Он потом каялся, божился, что пить бросит, просил прощения. Но я не поверила. С тех пор одна и живу.

– А сын? – вставил Володя.

Татьяна отвернулась к окну так, что он не мог видеть ее глаза. Но голос дрогнул и переполнился болью. Предчувствуя что-то тяжелое, горестное, Владимир отвел от нее любопытный взгляд, не решаясь даже взглядом вторгаться в чужую душу.

– Нет у меня сына... Был сыночек, славный мальчишка, добрый, веселый, общительный. Вот только не терпел несправедливости. Однажды увидел, как в парке трое хулиганов бьют одного, и ввязался в драку, не разбираясь, кто прав, кто виноват. У одного из нападавших был нож... Убили моего сыночка, зарезали. Ему тогда еще восемнадцати не было. С тех пор я и одна.

– Простите, Татьяна, я не знал, – пробормотал Владимир, испытывая острое желание встать из-за стола, подойти и обнять. Но разве можно так с чужим человеком? Он всегда ратовал за нерушимость психологических границ, и своих, и чужих.

Татьяна дернула плечами, словно стряхивая с себя тяжелые воспоминания и снова улыбнулась.

– А давай по второй нальем! По глоточку, не больше. И споем что-нибудь.

Владимир тяжело вздохнул, поднимая вторую рюмку. Застолье, уже немного согревшее его уютным домашним теплом, развернулось в

неожиданную сторону. Ох, как же он не любил пьяные завывания нестройных голосов за столом. Выпили. Закусили хрусткими огурцами. И Татьяна запела.

Голос у нее оказался на удивление красивым и сильным. «Что стоишь качаясь, красная рябина» – старая песня заполнила маленькую кухоньку. Низкий густой звук перетекал, следуя потоку мелодии. Бархатный тембр был столь красив, что Владимир невольно заслушался. (Да с таким голосом не грех и со сцены петь!) И засмотрелся. Женщина сидела в пол оборота к нему, слегка склонив голову набок. Из тугого пучка волос на затылке выбилась русая прядь и воздушным завитком оттеняла овал лица. Неяркий румянец играл на щеках, делая кожу сияющей. Голубые глаза, исполненные задумчивой грусти, казались огромными и выразительными.

«Да она красавица! – изумленно понял Владимир, наблюдая таинственное преображение энергичной грубоватой тетки в прекрасную женщину. – Высокая, статная, гордая и сильная, не сломленная никакими бедами. Ей бы не дешевую трикотажную кофту, а горностаевую мантию на плечи, да корону на голову – и вот она, русская императрица!»

Темная осенняя ночь заглядывала в окна круглым лунным глазом, с любопытством наблюдая за кухонной сценкой: под столом лежит рыжая собака, положив длинную изящную морду на вытянутые лапы, на столе открытая банка с домашними заготовками и остатки еды в тарелках, и двое напротив друг друга... «Клен ты мой опавший, клен заледенелый». Задушевная лиричная мелодия наполняет кухню необъяснимым уютом и теплом.

Давно ему не было так хорошо. Вспомнился пятидесятилетний юбилей отца. Они тогда собрались всей семьей, несколько поколений. Владимир, тогда еще совсем молодой, тридцатилетний, сидел рядом с братом и мамой. Пили домашнее вино, пели хором старые душевные песни. Время текло медленно-медленно, давая возможность насладиться ощущением общности, единого целого большой дружной семьи, где нет лишних и ненужных, где каждый важен и любим.

Родителей уже нет в живых, брат уехал на другой конец страны... Разлетелась семья, частью которой ты был, распалась на мелкие

кусочки, теперь уже не собрать. Владимир печально вздохнул.

– Ну, что, еще по одной?

– Нет, Татьяна, это уже будет перебор.

– Как скажешь, сосед. Тогда ставь чайник. Будем чай с моими пирожками пить.

Пока на плите закипал чайник, из таинственного мешка появилась коробка с пирожками, и запах свежей выпечки наполнил кухню. Герда подняла морду и зашевелила носом, принюхиваясь. «Вот это праздник!» – с искренним восхищением думал Владимир, наблюдая за сноровистыми движениями гостыи и испытывая душевный подъем. Как по мановению волшебной палочки на столе появились чашки, блюдца, тонко нарезанные дольки лимона, баночки с медом и вареньем. Ай да Татьяна, ай да волшебница!

Горделиво выпятив подбородок, соседка разлила чай по чашкам и уселась за стол. Весь ее вид говорил: «знай наших!»

– Пирожки с грибами, с капустой и с яблоками. Ешь давай, поправляйся, а то совсем в больничке своей исхудал.

– От инфаркта вы мне умереть не дали, Татьяна. Зато теперь у меня появился шанс умереть от переедания, – хмыкнул Владимир с набитым ртом. На душе было блаженно и покойно. – Рецепт тоже от вашей подопечной?

– От нее, родимой. Славная старушенция! Да они все у меня славные, вот только глупые и доверчивые как дети. Из-за этой доверчивости то и дело попадают в скверные ситуации.

– Как это?

– Вокруг них все время вьются всякие аферисты, чуют легкую добычу. То лекарства от всех болезней предлагают за бешенные деньги, то бытовую технику пытаются всучить, то еще что-то. А старики же не понимают сколько это стоит на самом деле. Дети, истинные дети, только постаревшие и впавшие в старческое слабоумие. За ними глаз да глаз нужен! И говорю им, внушаю, чтобы не открывали дверь незнакомым людям, не слушали этих прохвостов, чтоб сразу мне звонили, если что. Ай! – безнадежно махнула рукой. – Толку от моих увещеваний чуть. Все сразу забывают. Ходи потом по всем инстанциям, отстаивая их права!

– И как вас на все хватает? – искренне удивился Владимир.

– Так не хватает! В том то все и дело. С этим бестолковым

старичьем, как в поговорке: хвост вытянул – клюв увяз. Сплошная морока. А ведь не бросишь на произвол судьбы. Мне вон кран на кухне починить надо, течет, сволочь, капает непрерывно. От этого «кпа-кап-кап» монотонного по вечерам зубы сводит и волком выть хочется. Китайская пытка какая-то! Третий день не могу поймать водопроводчика. Они ж люди важные, занятые, работают именно тогда, когда и я на работе. А отпрашиваться мне – значит стариков бросать. А их без присмотра оставлять опасно даже на короткое время. Непременно натворят что-нибудь.

Татьяна бросила взгляд в непроглядную темноту за окном, потом на часы на стене и поднялась из-за стола, убирая посуду в раковину.

– Поздно уже, Володя, завтра пойду в правление ругаться с председателем из-за водопроводчиков. Пусть пришлет их в то время, когда мне удобно, а не им! – и принялась, засучив рукава, мыть посуду.

Владимир вскочил с табуретки.

– Что вы, Татьяна, посуду я сам вымою! Мне и так перед вами не удобно.

Он силой отобрал у нее мыльную тарелку и положил в раковину, выключил кран. Надо было исправлять ошибки, совершенные еще несколько часов назад.

– Татьяна, вы меня извините за то мое дурацкое финансовое предложение. Чувствую себя полным идиотом. Простите. Я просто не знаю, как вас отблагодарить за помощь. А отблагодарить очень хочется.

Голубые глаза посмотрели на него с доброй, чуть насмешливой улыбкой.

– Ну, что идиотом себя чувствуешь, это правильно, не далеко от истины. А ты выкать мне перестань, сосед, вот и, считай, отблагодарил.

– Хорошо, договорились, – улыбнулся в ответ Владимир.

– Пойду я, – засобиравалась гостя, вытирая мокрые руки, – поздно уже.

В дверях она обернулась и добавила:

– Ты, Володя, когда на операцию ложиться будешь, Герду опять

мне оставь. Хорошая у тебя собака, ласковая и воспитанная. Одно удовольствие такую подружку иметь. Да и мне веселее.

Владимир кивнул и, еще раз поблагодарив, закрыл дверь за гостьей, вернулся в кухню и стал мыть посуду. В воздухе все еще витал запах свежей выпечки... или это был запах Татьяны? После ее ухода в квартире стало как-то неуютно и пусто. Свет одинокой лампочки под потолком опять потускнел.

Перебив посуду и убрав все со стола, Владимир отправился в комнату, намереваясь готовиться ко сну. По углам стояли все еще не разобранные после переезда коробки с вещами, превращая квартиру в вокзальный зал ожидания. Вот только было совершенно непонятно, чего он ждет на этом вокзале и куда дальше ехать?

Вдруг он присел на корточки и стал рыться в коробках, не особенно заботясь о сохранении их целостности, вываливая вещи прямо на пол. Герда, уже устроившаяся на своей лежанке, приоткрыла сонные янтарные глаза и удивленно приподняла брови домиком. Этот взгляд означал: ты чего возишься, когда все уже спят? «Куда ж я его засунул?» – думал Владимир и продолжал потрошить коробки.

Наконец в очередной коробке он нашел то, что искал: сверху лежал аккуратный пластиковый чемоданчик с инструментами. Он купил его себе на прошлый день рождения в качестве подарка, и очень гордился «настоящей мужской игрушкой». Ведь под ярким оранжевым пластиком были разложены в идеальном порядке разнообразные отвертки, гаечные ключи, молотки, плоскогубцы и прочие, необходимые для ремонта любой сложности инструменты. Да с таким вооружением никакой ремонт не страшен!

Владимир взял оранжевый чемоданчик и, бросив мимолетный взгляд на циферблат часов, размеренно тикающих на стене, подумал: «Успею!» и вышел из квартиры.

На неурочный звонок долго не открывали, так, что Владимир повернулся было уже уходить, начав раскаиваться в своем эмоциональном порыве. Но вот щелкнул замок. На пороге стояла Татьяна в махровом халате и с тюрбаном из полотенца на голове, что еще больше усиливало ее сходство с венценосной особой. Судя по всему, она только что принимала душ.

– Я тут подумал, Тань, может не надо завтра ходить и ругаться

в правление? Ну их этих сантехников в баню! Я и сам могу попробовать починить кран. Раньше у меня это неплохо получалось. Там, скорее всего, просто надо заменить прокладку...- и, замявшись, добавил: – если не поздно, конечно. – Помочь человеку вообще никогда не поздно, Володя, тем более починить кран, – тепло улыбнулась Татьяна и отступила на шаг, пропуская соседа в свою квартиру.

Дарья ЩЕДРИНА. Некаýалар